

Вырезка из газеты

БЕЛГОРОДСКАЯ
ПРАВДА

179 МАИ 1984

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Он знал Мусу Джалиля

23 апреля 1945 года воины 79-го стрелкового корпуса, наступавшие в Берлине, прорвались к зданию тюрьмы. Здесь уже не было ни охраны, ни заключенных. Во дворе догорали сваленные в кучу папки, свертки, книги. Среди этого хлама один солдат заметил клочок бумаги. На нем по-русски было написано: «Я, Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, намереваясь, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта записка, пусть передадут привет от меня товарищам-писателям в Москве, сообщат семье...».

...В 1946 году в Союз писателей Татарии передали исписанный убористым почерком блокнот, в котором оказалось шестьдесят стихотворений. Как впоследствии выяснилось, блокнот вынес из Моабитской тюрьмы ее бывший узник Габбас Шарипов. Через год советское консульство в Брюсселе переслало в Казань еще один блокнот со стихами, который сохранил сосед Джалиля по тюремной камере бельгийский патриот Андре Тиммерманс.

Так постепенно стали проясняться подробности подвига теперь уже широко известного советского поэта Мусы Мустафовича Залилова (Джалиля). Родина высоко оценила его мужество, удостоив звания Героя Советского Союза. Стихи же, содержащиеся в блокнотах, вошли во всемирно известный цикл под названием «Моабитская тетрадь» и были отмечены Ленинской премией. С тех пор прошло уже немало лет, но интерес к жизни и творчеству Мусы Джалиля не угасает. Нелегкую, но благородную работу по увековечению его имени ведет кандидат исторических наук, публицист Ш. Х. Хаматов. Среди тех, чьи воспоминания использовал автор в своей последней книге «Муса Джалиль — солдат партии», назван и житель Белгорода подполковник в отставке С. Я. Дубровин. Наш корреспондент в канун Дня Победы встретился с ним для беседы.

— Сергей Яковлевич, расскажите, где и как переселись вы с Мусой Джалилем жизненные пути?

— В апреле 1940 года, согласно приказу, меня и еще пятнадцать молодых офицеров откомандировали в Москву, где мы получили направление на работу на создаваемых тогда в Марьино, под Курском, курсах по переподготовке партийных кадров. Мы успели сделать лишь один выпуск, как началась Великая Отечественная война. Курсы были преобразованы в военно-политическое училище, перед которым была поставлена задача — готовить политработников для фронта. Начался набор комсомольских работников, учителей, писателей... Вот тогда-то сюда и попал начавший военную службу рядовым в Казани Муса Залилов.

Он попал не в мой взвод, но мы — командиры других взводов — быстро узнали и полюбили его. Среди товарищей Муса выделялся немудрой энергией, умением преодолевать трудности армейской жизни и воодушевлять других, поднимать настроение в трудных походах. Вспоминаю, например, 150-километровый пеший переход от железнодорожной станции Бугульма в Мензелинск, куда нас эвакуировали, когда фронт подходил к Курску. Стояла поздняя осень, было холодно, и курсанты училища... не успевшие сменить летнюю форму одежды, мерзли. А Муса не

унывал: подбадривал товарищей, читал им свои стихи, во всем являл собой пример подтянутости и дисциплины.

— А вы знали, что Муса Залилов в то время был уже известный поэт, накануне войны возглавлявший Союз писателей Татарии?

— Нет, он не рассказывал об этом... Но то, что Муса писал стихи, мы все, конечно, знали. Он ведь активно участвовал в художественной самодеятельности, читал свои произведения на различных вечерах, концертах. Причем всегда новые. Удивляло, как он находит для этого время в жестком режиме армейских будней. Товарищи по работе рассказывали, что постоянно видели его с блокнотом в руках. На привалах, после тактических занятий, в короткие минуты отдыха он писал стихи, читал их курсантам по-татарски и тут же переводил на русский. Об этом времени он рассказал в стихотворении «Вперед, моя песня!».

Перо положил я в походную сумку,
А рядом висит за плечом автомат,
Пусть будет со мною и пули, и песни
И вместе проклятых фашистов громят.

— Муса успевал не только осваивать курс военных наук, писать стихи и участвовать в самодеятельности, но еще и редактировать стенную газету Дома офицеров. — дополнила рассказ Сергея Яковлевича его супруга и верный боевой товарищ Ольга Мироновна, бывшая, по ее словам, вечным «зам. командира по общественным делам». — Как сейчас помню его маленьким, худеньким — с питанием ведь тогда было плохо. — но очень живым, подвижным. Улыбка, казалось, не сходила с его лица. Газета выходила один раз в неделю, и он буквально заставлял всех — курсантов и нас, жен офицеров, писать в нее заметки. А потом, прежде чем их поместить, безжалостно правил. И обязательно в

каждом номере публиковал 2—3 своих стихотворения. — Вот, кажется, и все, чем запомнился Муса тех давних военных лет. — подытожил сказанное Сергей Яковлевич. — Если бы знать наперед, какая его ожидает судьба, что ему предстоит пережить и как героически он закончит свою жизнь, — фиксировали бы каждое его слово, каждый поступок.

— Сергей Яковлевич, когда и как вы узнали о подвиге Джалиля?

— После расформирования училища я окончил курсы командиров батальона в Уфе и был направлен в действующую армию. Вошел в состав Стенного, затем Второго Украинского фронтов, дошел до Венны...

О подвиге Джалиля, который попал тяжело раненым в плен, мы узнали из газет много лет спустя после войны.

На встречах с ребятами рассказываю о том, какой ценой досталась нашему народу победа в Великой Отечественной войне, о ее героях, в том числе и о Мусе Джалиле. Послал свои воспоминания на родину поэта-героя в Казань. Получил на память подборку материалов «Джалиловцы», рассказывающую о Мусе Джалиле и его товарищах по борьбе в фашистском застенке, которую прислали следопыты школы № 31 Казани. Есть у меня сборник стихов поэта с дарственной надписью его близких, книги о его жизни и творчестве.

Благодарен судьбе, которая свела меня с Мусой Джалилем. Рад, если сумел добавить к образу поэта-героя хоть несколько живых черточек.

В. БРЫСИН.

На снимке: подполковник в отставке С. Я. ДУБРОВИН.
Фото Ю. КОРЕНЬКО.